

Говард Филлипс Лавкрафт

Гарри Гудини

Заточённый с фараонами

(Imprisoned with the Pharaohs)

I

Одна тайна притягивает к себе множество других тайн. С тех пор как мое имя стало широко известно из-за совершенных мною необъяснимых чудес, я узнал множество странных историй, которые люди рассказывали мне, считая их как-то связанными с моими интересами и делами. Некоторые были банальны и не имели ко мне отношения, другие весьма драматичны и захватывающи, третьи таинственны и страшны, четвертые подвигали меня на серьезные занятия наукой и историей. О многих я уже рассказывал и буду рассказывать без всякой опаски, но одну я вспоминаю с большой неохотой, и если делаю это сейчас, то после настойчивых уговоров редакторов журнала, которые кое-что слышали о ней от членов моей семьи.

То, что я до сих пор хранил в тайне, имеет отношение к моей неделовой поездке в Египет четырнадцать лет назад, а молчал я об этом по нескольким причинам. Во-первых, ни к чему мне было делать достоянием туристов, мириадными толпами осаждающих пирамиды, несомненно реальные факты, тщательно скрывааемые властями Каира, которым они так или иначе не могут не быть известны. Во-вторых, мне не хотелось рассказывать о событии, большую роль в котором, возможно, сыграло мое собственное воображение. Того, что я видел... или думал, что вижу... на самом деле не было. Скорее всего, это результат моих занятий египтологией и навеянных ими размышлений, к которым меня не могла не подталкивать тамошняя обстановка. Мое воображение, подогретое реальным и ужасным событием, несомненно, стало причиной кошмара, случившегося в ту давнюю ночь.

В январе 1910 года, завершив выступления в Англии, я подписал контракт на турне по австралийским театрам. Времени у меня хватало, и я решил доставить себе удовольствие и немножко попутешествовать. Вместе с женой мы самым приятным образом добрались до континента и в Марселе поднялись на борт парохода под названием «Мальва», портом назначения которого был Порт-Саид. Оттуда я намеревался начать посещение главных исторических достопримечательностей Нижнего Египта, а потом плыть в Австралию.

Путешествие меня не разочаровало, тем более что время от времени оно оживлялось забавными происшествиями, выпадающими на долю любого мага, даже если он отдыхает. Ради собственного спокойствия я намеревался сохранить свое имя в тайне, однако меня подвел мой коллега, который до того старался поразить пассажиров незамысловатыми трюками, что я не удержался и, естественно, превзошел его, погубив свое инкогнито. Я упоминаю об этом из-за тех последствий... последствий, которые я

должен был предвидеть, прежде чем снимать маску перед целым пароходом туристов, готовых вот-вот разбрестись по Нильской долине. Увы, куда бы мы с женой теперь ни направлялись, впереди нас летели слухи, лишавшие нас уединения, о котором мы мечтали. Затеяв путешествие, чтобы посмотреть на достопримечательности, я сам стал чем-то вроде достопримечательности.

Мы поехали в Египет ради экзотики и мистики, но когда прибыли в Порт-Саид и пересели в лодки, то почувствовали разочарование. Низкие песчаные дюны, буйки в мелкой воде и скучный городок, словно перенесенный из Европы, если не считать громадной статуи де Лессепса, подвигли нас немедленно ехать туда, где мы могли бы найти что-нибудь более интересное. Подумав, мы решили ехать в Каир к пирамидам, а потом в Александрию, где наверняка можно было бы перехватить австралийский пароход, а тем временем осмотреть греко-римские достопримечательности, которыми пожелала бы порадовать нас древняя метрополия.

Железнодорожное путешествие тоже оказалось сносным и заняло всего четыре с половиной часа. Мы порядком нагляделись на Суэцкий канал, вдоль которого ехали до самой Исмаилии, да к тому же ощутили вкус старого Египта благодаря восстановленному каналу с пресной водой, прорытому в эпоху Среднего Царства. Наконец в сгущавшихся сумерках показались огни Каира, и далекое созвездие, приблизившись, ослепило нас на великолепном Центральном вокзале.

Однако и здесь нас вновь постигло разочарование, потому что все, кроме одежд и толп, было в европейском стиле. Обыкновенный подземный переход привел нас на площадь со множеством экипажей, такси и трамваев, залитую ярким светом с высоких зданий. Тот самый театр, в который меня безуспешно приглашали выступать и в котором я потом побывал как зритель, оказался переименованным в «Американский космограф». Решив остановиться в отеле «Пастух», мы взяли такси, которое прокатило нас по широким благоустроенным улицам, а отличный ресторанный сервис, лифты и обычная англо-американская роскошь отдалили от нас таинственный Восток и незабываемое прошлое.

Однако на другой день мы с радостью окунулись в атмосферу «Сказок тысячи и одной ночи». В кривых улочках и экзотических контурах Каира как будто вновь ожил Багдад Гаруна аль-Рашида. Ведомые «Бедекером», мы шли на восток мимо Эзбекийских садов вдоль Муски в поисках настоящего восточного квартала и вскоре попали в руки бойкого чичероне, который, что бы потом ни было, показался мне мастером своего дела.

Только много позже мне пришло в голову, что я должен был нанять настоящего гида еще в отеле. Этот же тщательно выбритый и довольно чисто одетый человек со странным пустым голосом выглядел как фараон и называл себя господин Абдулла Раис эль-Дрогман. По-видимому, он имел власть над себе подобными, хотя потом полицейские заявили, будто его не знают, а господином каждый может себя назвать, тогда как Дрогман – всего-навсего искаженное *драгоман*, то есть гид.

Абдулла показал нам такие чудеса, о которых прежде мы только читали и мечтали. Старый Каир – волшебная книга грез с лабиринтами узких улочек, благоухающих таинственными ароматами, с причудливыми балконами и эркерами, почти

сходящимися над булыжной мостовой, с неуправляемыми потоками машин, со странными воплями, щелкающими бичами, скрипящими телегами, звонкими монетами и кричащими осликами, с калейдоскопом ярких балахонов, с чадрами, тюрбанами и фесками, с разносчиками воды и дервишами, собаками и кошками, предсказателями и брадобреями, а над всем этим – заунывные причитания скорчившихся в нишах слепых попрошайек и печальные речитативы муэдзинов на минаретах, изящно вычерченных на фоне неизменно голубого неба.

Крытые и более спокойные базары оказались не менее привлекательными. Пряности, духи, благовония, ковры, шелка, медная утварь... Старый Махмуд Сулейман сидит, скрестив ноги, среди своих ароматных бутылок, а болтливые юнцы толкут горчичные зерна в коринфской капители старой колонны, вероятно римской, привезенной из соседнего Гелиополя, где Август когда-то держал один из трех своих египетских легионов. Древность начинает смешиваться с экзотикой. А еще мечети и музеи... Мы осмотрели их все и постарались сохранить веселое настроение, несмотря на темные чары фараона Египта, представленного в бесценных музейных сокровищах. Большого мы не желали и потому предались осмотру средневековой роскоши сарацинских халифов, чьи великолепные надгробия-мечети составляют сверкающий сказочный некрополь на краю Аравийской пустыни.

Наконец Абдулла повел нас по улице Мохаммеда-Али к старинной мечети султана Хасана и к башням Баб-аль-Азаб, за которыми круто вверх идет между каменными стенами дорога к могучей крепости, построенной самим Саладином из камней разрушенных пирамид. Солнце садилось, когда мы забрались на вершину, обошли кругом современную мечеть Мохаммеда-Али и, стоя у парапета, с головокружительной высоты поглядели на таинственный Каир... на сверкающий золотом резных куполов таинственный Каир с его бесчисленными минаретами и огненными садами.

Вдали поднимался над городом огромный романский купол нового музея, а еще дальше, на другой стороне загадочной желтой реки Нил, которую египтяне считают матерью времен и царских династий, затаились грозные пески Ливийской пустыни, катящиеся волнами, меняющие цвет, страшные своими тайнами.

Красное солнце опустилось совсем низко, уступая место безжалостному холоду египетской ночи, и, когда оно встало на краю земли, подобно Ра-Хораки, или Солнцу Горизонта, древнему богу Гелиополя, мы увидели на фоне медного всепожирающего огня черные линии пирамид Гизы – палеологических гробниц, которым было много тысяч лет, когда Тут-Анх-Амон поднялся на золотой трон в далеких Фивах. Тогда мы поняли, что с нас хватит сарацинского Каира и мы должны познать более давние тайны настоящего Египта – черного Кема, богов Ра и Амона, Исиды и Осириса.

Наутро мы посетили пирамиды, на «виктории» пересекли остров Гезиру, на котором растут могучие лебахии, по небольшому английскому мосту перебрались на западный берег. Мы ехали вдоль берега между двумя рядами могучих лебахий, мимо просторного зоологического сада в сторону Гизы, которая с тех пор соединена с Каиром новым мостом. Потом мы повернули и поехали по Шариа-эль-Харам, пересекли район неподвижных, словно стеклянных, каналов и нищих деревушек, пока впереди не

показалась цель нашего путешествия, проступая сквозь утренний туман и в перевернутом виде отражаясь в придорожных лужах. «На нас взирают сорок веков», – говорил тут Наполеон своим солдатам.

Дорога круто шла вверх, пока мы не добрались до места пересадки между троллейбусной станцией и отелем «Менахаус». У Абдуллы, в мгновение ока купившего нам билеты на осмотр пирамид, по-видимому, были свои отношения с крикливыми и грубыми бедуинами, которые жили в нищей деревушке неподалеку и приставали ко всем путешественникам без разбору, ибо он без особых хлопот удерживал их на расстоянии и даже раздобыл для нас пару великолепных верблюдов и осла для себя, да еще задорого нанял несколько мужчин и юношей приглядывать за ними, но они оказались для нас малополезными. Расстояние, которое нам предстояло преодолеть, было столь невелико, что мы могли бы обойтись и без верблюдов, однако мы без сожаления прибавили к нашим познаниям еще этот довольно неудобный способ передвижения по пустыне.

Пирамиды стоят на высоком каменном плато рядом с самым северным из царских и аристократических погребений, построенных в окрестностях ныне не существующего Мемфиса, который располагался на том же берегу Нила, что и Гиза, но немного южнее, и процветал между 3400 и 2000 годами до Рождества Христова. Самая большая пирамида, которая ближе всего к новой дороге, была построена фараоном Хеопсом, или Хуфу, около 2800 года до Рождества Христова, она поднимается на высоту более чем 450 футов. В одном ряду с ней, но дальше на юго-запад, находится вторая пирамида, построенная следующим поколением по приказу фараона Хафры, и хотя она немного меньше, но кажется больше, потому что стоит на более высоком месте. И дальше в этом же ряду стоит третья пирамида, которая намного меньше первых двух, пирамида фараона Микерина, построенная около 2700 года до Рождества Христова. У края плато и к востоку от второй пирамиды находится, возможно с измененным лицом, которому пытались придать сходство с его царственным реставратором Хафрой, чудовищный сфинкс – немой, злобный, таящий в себе знания тысячелетий.

Здесь же есть более мелкие пирамиды и руины более мелких пирамид, и повсюду на плато находятся захоронения представителей нецарственных фамилий. Они изначально были помечены *мастабами*, каменными скамейками, поставленными над глубокими захоронениями, как на других мемфисских кладбищах, представленных надгробием Пернеба в музее Метрополитен в Нью-Йорке. В Гизе же все видимые сооружения были уничтожены временем и мародерами, и только шахты, засыпанные песком или расчищенные археологами, указывают на их местопребывание. Рядом с каждым захоронением находилась молельня, в которую священнослужители или родственники приносили еду и в которой молились *ка*, или жизненной силе усопшего. В небольших захоронениях молельни располагались в каменных *мастабах*, или надстройках, но молельни пирамид, в которых покоились фараоны, сооружались отдельно – каждая к востоку от своей пирамиды, и все они соединялись дорожками с довольно массивной входной молельней, или пропилями, на краю каменного плато.

Молельня, что ведет ко второй пирамиде, почти погребенная под неугомными песками, неожиданно разворачивает свои недра к юго-востоку от сфинкса. Традиционно ее

называют храмом Сфинкса, и, возможно, в этом есть смысл, если сфинкс представляет строителя второй пирамиды Хафру. О сфинксе, который был до Хафры, сохранились малоприятные легенды, но, каковы бы ни были его черты, фараон заменил их собственными, чтобы люди могли смотреть на колосса без страха.

Диоритовая статуя Хафры, которая нынче хранится в Каирском музее, была найдена в большом храме при входе, и перед этой статуей я стоял в благоговейном трепете. Не знаю, все ли теперь перенесено в музей, но в 1910 году многое еще оставалось в подземелье, и вход, как правило, надежно перекрывался на ночь. Раскопками занимались немцы, так что, возможно, война помешала им закончить работу. Много бы я отдал, если учесть мой собственный опыт и разговоры бедуинов, мало кому известные в Каире, чтобы узнать, что случилось с одним из колодцев в поперечной галерее, где были найдены статуи фараона в довольно странном соседстве со статуями бабуинов.

Дорога, по которой мы ехали на наших верблюдах в то утро, резко поворачивала на юг, а потом на восток, минуя оставшиеся слева деревянное здание полицейского участка, почту, аптеку и магазины, и мы оказались у подножия Великой пирамиды лицом к лицу с пустыней. Мы ехали мимо этого жилища Циклопа, огибая его с восточной стороны, а впереди лежала долина небольших пирамид, за которыми на востоке сверкал вечный Нил, а на западе золотилась вечная пустыня. Три главные пирамиды были совсем близко, и у самой большой из-за полного отсутствия внешней облицовки обнажились каменные блоки, но у двух других облицовка кое-где сохранилась, и можно было представить, какими гладкими они были в свое время.

Потом мы спустились к сфинксу и молча сидели, замороженные страшными невидящими глазами. На широкой каменной груди мы с трудом различили знак Ра-Хораhti, за изображение которого сфинкса принимали во времена ушедшей династии, и, хотя песок покрывал площадку между огромных лап, мы вспомнили, что Тутмос IV начертал на ней и что привиделось ему, когда он еще был принцем. Тогда улыбка сфинкса немного смутила нас и заставила вспомнить легенды о подземных переходах под чудовищным существом, которые вели все дальше и дальше в такие глубины земли, о которых никто и помыслить не смел и которые хранили тайны более древние, чем открываемый археологами династический Египет, и связанные с богами, у которых были головы животных, в древнем пантеоне Нила. И тогда я задал себе праздный вопрос, зловещее значение которого стало ясно мне лишь много часов спустя.

Мы шли по дороге к засыпанному песком храму Сфинкса, который стоял в пятидесяти ярдах к юго-востоку и о котором я уже упомянул, назвав его великими воротами к молельне второй пирамиды на плато. Большая его часть все еще была засыпана, и, хотя мы спешили и по современной дороге прошли в алебастровый коридор и холл с колоннами, я чувствовал, что Абдулла и немецкий зритель показывают нам не все.

Потом мы совершили обычную прогулку по плато, осмотрели вторую пирамиду и живописные развалины ее погребального храма чуть к востоку и третью пирамиду с ее храмом и миниатюрными пирамидами дальше к югу. Осмотрели также каменные погребения с усыпальницами четвертой и пятой династий, а также со знаменитой гробницей Кэмпбелла, зияющей черным провалом в пятьдесят три фута до страшного

саркофага на дне, который один из наших погонщиков, спустившись на головокружительную глубину на веревке, очистил от песка.

От Великой пирамиды до нас донеслись крики. Это бедуины осадили группу туристов, предлагая им проверить, с какой скоростью можно подняться и спуститься с пирамиды. Рекорд составлял семь минут, однако многие сильные шейхи и сыновья шейхов уверяли, будто им хватит и пяти минут, если они получат для стимула *бакшиш*. Они ничего не получили, зато мы позволили Абдулле сопровождать нас на вершину пирамиды, откуда открывался ни с чем не сравнимый великолепный вид на сверкающий Каир на фоне неприступных золотисто-фиолетовых гор и на все пирамиды Мемфиса от Абу-Роаш на севере до Дашур на юге. Ясно и заманчиво вырисовывалась на фоне песков ступенчатая пирамида Сахры, которая является переходной от низкой *мастабы* к настоящей пирамиде. Возле этого памятника переходной эпохи было найдено знаменитое захоронение Пернеба... более чем в четырех сотнях миль к северу от фиванской горной долины, где спит Тут-Анх-Амон. И вновь я будто онемел, охваченный благоговейным трепетом. Картина подобной древности, да еще тайны, которые хранил каждый из этих почтенных памятников, наполняли меня таким благоговейным ощущением бесконечности, какого я никогда не испытывал.

Уставшие после восхождения и измученные докучливыми бедуинами, поведение которых переходило все границы приличий, мы решили не ходить внутрь пирамид, хотя видели, как некоторые особо любопытные туристы готовились ползти по коридорам Великой пирамиды Хеопса. Отпустив местных погонщиков, предварительно щедро заплатив им за услуги, мы с Абдуллой, припекаемые послеполуденным солнцем, отправились обратно в Каир, жалея и не жалея об упущенной возможности. О нижних коридорах пирамид, естественно отсутствующих в путеводителях, шепотом рассказывали самые невероятные истории, потому что их торопливо перекрывали и запечатывали те самые неразговорчивые археологи, которые отыскивали их и обследовали.

Вне всяких сомнений, слухи чаще всего были беспочвенными, но забавно заметить, что туристам упорно отказывали в ночном посещении пирамид или в посещении самых дальних коридоров Великой пирамиды. Возможно, власти боялись психологического шока, ведь оказавшийся внизу человек вполне мог ощутить себя навечно погребенным под каменной громадой, так как его соединял с наземной жизнью лишь узкий лаз, в котором он мог только ползти и который в любую минуту мог быть завален по воле случая или злого умысла. Все это показалось нам настолько таинственным и искусительным, что мы решили при первой же возможности еще раз побывать на плато. И эта возможность представилась гораздо раньше, чем я ожидал.

Вечером мои спутники почувствовали себя утомленными напряженной дневной программой, и я один отправился с Абдуллой прогуляться по живописному арабскому кварталу. Днем я его уже видел, но мне хотелось посмотреть на улочки и базары в сумерки, когда глубокие тени и мягкий закатный свет должны подчеркивать их великолепие и фантастическую нереальность. Толпы местных жителей редели на глазах, но на улицах все еще было шумно илюдно, когда мы наткнулись на подгулявших бедуинов в Суккен-Наххасине, что значит рынок медников. Их заводила, наглый малый с

тяжелыми чертами лица и в лихо заломленной феске, заметил нас и, по-видимому, узнал, не проявив при этом никакой радости, моего опытного, но наверняка высокомерного и насмешливого гида.

Я подумал, что, возможно, ему не по нраву забавная копия полуулыбки сфинкса, которую я сам воспринимал не без раздражения, или глухой, словно замогильный голос Абдуллы. Как бы то ни было, обмен поношениями в адрес предков не затихал, и вскоре Али Азиз, которого, как я услышал в потоке ругательств, звали именно так, стал дергать Абдуллу за одежду, Абдулла ответил ему тем же, и в конце концов это переросло в настоящую потасовку, в которой оба успели потерять свои священные головные уборы и дошли бы неизвестно до чего, если бы я не вмешался и не развел их силой.

Поначалу мое вмешательство было воспринято с неудовольствием обеими сторонами, однако мне удалось добиться перемирия. Оба противника угрюмо приводили себя в порядок, стараясь сдерживать свою ярость, и, приняв высокомерный вид, что было неожиданно и впечатляюще, заключили забавный договор чести, который, как я скоро узнал, принадлежит к самым древним обычаям в Каире. Они договорились уладить свои разногласия кулачным боем на вершине Великой пирамиды после того, как поблизости не останется ни одного любителя осматривать памятники при лунном свете. Дуэлянты обязались привести с собой секундантов, и поединок, который был назначен на полночь, должен был состоять из нескольких раундов цивилизованного боя.

Все эти приготовления вызвали у меня живейший интерес. Бой обещал быть зрелищем увлекательным и неповторимым, ведь даже мысль о древней громаде, возвышающейся на доисторическом плато Гизы и освещенной бледной луной, волновала мое воображение. Моя просьба пришлась Абдулле по душе, и он немедленно принял меня в свою компанию, так что остаток вечера я сопровождал его по разным притонам в самых недоступных для закона районах города, в основном к северо-востоку от Эзбекие, где он по одному подбирал себе банду головорезов для фона и поддержки.

Сразу после девяти мы, усевшись на ослов, которые носили царственные египетские имена или имена именитых туристов – Рамзес, Марк Твен, Дж. П. Морган и Миннехаха, – отправились по лабиринту арабских и европейских улиц, пересекли по мосту с бронзовыми львами грязный и утыканный мачтами Нил и в философской задумчивости поехали под лебахиями в направлении Гизы. Миновало немногим более двух часов, когда мы, заканчивая наш путь, разминулись с последними покидавшими плато туристами и помахали последнему трамваю, после чего мы остались наедине с ночью, прошлым и призрачной луной.

В конце дороги мы увидели огромные пирамиды, таившие в себе смутную угрозу древних времен, которую я не почувствовал в дневное время. Даже самая маленькая из них несла в себе тот же ужас, ведь именно в ней заживо похоронили царицу Нитокрис из шестой династии, ту самую коварную царицу Нитокрис, которая однажды пригласила всех своих врагов на пир в храм рядом с Нилом и утопила их, открыв шлюзы. Я вспомнил, как арабы шептались о Нитокрис и держались подальше от третьей пирамиды при определенных фазах луны. Наверное, о ней думал Томас Мур, когда сочинял строки для мемфисских лодочников:

*Прячется в подземном царстве нимфа,
Там, где золото и тайны скрыты,
Вечная хозяйка Пирамиды!*

Мы приехали довольно рано, но Али Азиз со своими друзьями нас опередил. Мы увидели их ослов, чьи контуры ясно вырисовывались на фоне пустынного плато в Кафрел-Харам. К этой арабской деревушке направились и мы, вместо того чтобы следовать обычной дорогой к «Мена-хаус», где нас могли заметить и задержать полицейские. Здесь грязные бедуины держат верблюдов и ослов в каменных гробницах придворных Хафры, и отсюда мы пошли через пески к Великой пирамиде, по стертým ступеням которой арабы взбирались без труда. Мне же Абдулла Раис предложил помощь, но я от нее отказался за ненужностью.

Многим путешественникам известно, что первоначальной вершины пирамиды уже давно нет и наверху ровная площадка примерно в двенадцать квадратных ярдов. Мы расположились на этом мрачном пространстве, и через пару мгновений луна пустыни насмешливо взирала на поединок, который, если не считать выкриков болельщиков, вполне можно было бы увидеть в каком-нибудь второразрядном атлетическом клубе Америки. Здесь тоже хватало запрещенных приемов, и каждый удар, обманный маневр и защитный прием моему не совсем непрофессиональному глазу говорили о неразборчивости в средствах обоих противников. Впрочем, бой скоро закончился, и, несмотря на мое неприятие методов ведения боя, я почувствовал хозяйскую гордость, когда победителем был объявлен Абдулла.

Примирение совершилось на редкость быстро, и за пением и возлияниями я даже усомнился в реальности ссоры. Странно, но мне показалось, будто не бывшие противники, а я оказался в центре внимания, и, напрягая свои скромные познания в арабском, я догадался, что они обсуждают мои профессиональные представления и мое умение освобождаться из любых пут и помещений, причем делают это не только с поразившим меня знанием, но и с вполне определенными неприязнью и скептицизмом. Постепенно я задумался о том, что старинное колдовство Египта не исчезло без следа, но разрозненные фрагменты этого тайного знания, не говоря уж о культовых служениях, сохранились как суеверия среди феллахов, и до такой степени, что сила заезжего хахви, или колдуна, вызывает у них сомнение и ревность. Мне вновь пришло на ум, как сильно мой глухоголосый гид Абдулла напоминает древнего египетского священнослужителя, или фараона, или сфинкса... и я вздрогнул.

Неожиданно случилось такое, что мгновенно подтвердило правильность моих ощущений и заставило меня проклясть мою доверчивость, с которой я отнесся к событиям, оказавшимся всего лишь зловещей инсценировкой. Без предварительных согласований, но, несомненно, по не замеченному мной знаку Абдуллы все бедуины сразу набросились на меня, а так как у них при себе оказались крепкие веревки, то в мгновение ока я был связан так, как мне еще не приходилось быть связанным ни на сцене, ни вне ее.

Поначалу я сопротивлялся, но вскоре перестал, потому что один человек не в состоянии справиться с бандой из двадцати здоровых дикарей. Связав мне за спиной

руки, арабы согнули мне колени, сколько было можно, и притянули лодыжки к запястьям, скрепив их неподдающимися узлами. В рот мне сунули кляп, глаза завязали непроницаемой повязкой. Потом, когда они подняли меня на плечи и понесли вниз, я услышал язвительные насмешки моего бывшего гида Абдуллы, который довольно посмеивался надо мной своим глухим голосом и уверял, что я скоро смогу проверить свое «колдовское могущество» и это быстро собьет с меня спесь, приобретенную мной во время триумфальных побед в Америке и Европе. Египет, напомнил он мне, очень древняя страна, и в ней много тайн, непонятных сегодняшним знатокам, чьи попытки поймать меня в ловушку обычно проваливались.

Не могу сказать, куда и сколько времени меня несли, потому что обстоятельства складывались против меня. Знаю только, расстояние было незначительным, поскольку мои мучители ни разу не ускорили шаг, и я совсем недолго был на весу. Именно это обстоятельство заставляет меня содрогаться, стоит мне вспомнить о Гизе и о плато... И неудивительно, ведь туристские тропинки проходят совсем близко к тому, что было там тогда и наверняка есть теперь.

Эта зловещая ненормальность, о которой я говорю, не сразу пришла мне в голову. Когда они положили меня, как ни странно, не на камни, а на песок, то обвязали мне грудь веревкой и протащили несколько футов к яме, в которую меня почти бросили. Довольно долго я бился о выступы в стенах узкого колодца и поначалу принял его за одну из бесчисленных погребальных шахт на плато, пока не лишился всякого представления о какой бы то ни было реальности.

Мой страх усиливался с каждым мгновением. Я не мог поверить, что падение сквозь камни может быть таким долгим, будто эти камни захватили чуть ли не полпланеты, а сплетенная руками смертного веревка такой длинной, что может достать до несуществующих адских глубин, и мне было легче усомниться в собственном здравом смысле, чем принять невозможное. Даже теперь я ни в чем не уверен, ибо знаю, как обманчиво бывает ощущение времени, если находишься в непривычных условиях. Однако я абсолютно уверен, что до тех пор сохранял ясность мысли и, по крайней мере, не позволял своему воображению отягчать реальность. Единственное, что могло быть, – это своего рода мозговое отклонение, которому далеко до настоящей галлюцинации.

Однако сознание я потерял не из-за этого. Моим испытаниям суждено было идти по нарастающей. Началом моего нового страха стало явное увеличение скорости падения. Те, кто распорядился бесконечной веревкой, уже почти не удерживали ее, и я больно бился о выступы сужающихся стен шахты во время своего головокружительного спуска. Одежда моя порвалась, я чувствовал, как по мне льется кровь, и это ощущение оказалось хуже острой боли. Мой нюх тоже подвергался едва определимой угрозе. Все более усиливающийся запах сырости, как ни странно, не напоминал мне ничего из того, что я знал, зато в нем был пряный намек на аромат благовоний, заключавший в себе как будто элемент издевательства.

Потом наступил психический катаклизм. Он был таким ужасным, таким чудовищным, что его невозможно описать словами, ибо он вырос из моей души и в нем не было никаких подробностей. Нечто вроде экстаза ночных кошмаров или апофеоза

дьявольщины. Его внезапность тоже была дьявольской и апокалиптической. То я стремительно несся вниз по ощерившемуся миллионами зубьев колодцу, то летел на крыльях нетопыря сквозь бездны преисподней, взмывая вверх и падая вниз на немереных милях беспредельного пространства, поднимаясь к головокружительным высотам ледяного эфира и ныряя в засасывающие зловонные глубины... Слава богу, ибо он милостиво подарил мне забвение от когтистых фурий сознания, которые рвали на части мою душу и, как гарпии, терзали мой дух! Это первое отдохновение, каким бы коротким оно ни было, придало мне сил и здравомыслия для противостояния еще более страшным воплощениям космического безумия, которые ждали меня на всем моем пути вниз.

II

Далеко не сразу удалось мне прийти в себя после столь жуткого полета по стигийскому пространству. Это было бесконечно болезненно и окрашено невероятными фантазиями, в которых отразилось и то, что я был связан, и то, как я был связан. Я принимал эти фантазии за реальность, но стоило им покинуть меня, и они тотчас тускнели в моей памяти под влиянием последующих ужасных событий, будь они реальные или воображаемые. Я видел себя зажатым в огромной ужасной лапе. Эта желтая волосатая лапа с пятью когтями тянулась ко мне из земли, чтобы раздавить меня. Когда же я перестал в ней сомневаться, то мне почудилось, что эта лапа и есть Египет. В своем видении я оглянулся на события предыдущих недель и увидел, как меня понемногу, ловко и незаметно, обольщает и увлекает дьявольский дух-упырь из древнего египетского чародейства, такой дух, который был в Египте еще до прихода сюда людей и будет тут после их ухода.

Я увидел ужас и нездоровую древность Египта в их неразрывной связи с гробницами и храмами мертвых. Я увидел призрачные процессии жрецов с головами быков, соколов, кошек, ибисов, призрачные процессии, безостановочно шествующие по подземным коридорам и лабиринтам с гигантскими пропилями, рядом с которыми человек был не более мухи, и приносящие неназываемые жертвы немислимым богам. Каменные колоссы шагали в нескончаемой ночи, гоня стада усмехающихся андросфинксов к берегам неподвижных рек из дегтя. А позади этого всего я видел несказанно злобную исконную некромантию, черную, бесформенную, жадно преследующую меня во мраке, чтобы разделаться с духом, посмевающим насмеяться над нею и с нею соревноваться.

В моем спящем мозгу разыгрывалась мелодрама чудовищной ненависти и преследования, и я увидел черную душу Египта, заметившую меня и звавшую меня неслышимым шепотом, звавшую и очаровывавшую меня, искушавшую меня наружным сарацинским сверканием, но все время толкавшую меня вниз в безумные от старости катакомбы и ужасы своего мертвого и бездонного царственного сердца.

Потом призраки стали принимать обличье людей, и я увидел моего гида Абдуллу в одеждах фараона и с усмешкой сфинкса на устах. И я знал, что его лицо – это лицо Хафры Великого, который приказал построить вторую пирамиду и переделать лицо сфинкса по своему подобию, а еще построил огромный храм при входе, мириады коридоров которого археологи собираются отнять у колдовского песка и молчаливого камня. Я

смотрел на длинную узкую твердую руку Хафры, точно такую длинную, узкую и твердую, какую я видел у диоритовой статуи в Каирском музее... у той статуи, что была найдена в страшном храме при входе... И я подивился, почему я не закричал, увидев ее у Абдуллы... Эта рука! Она была отвратительно холодной, и она сжимала меня... Холодный давящий саркофаг... Холодный давящий Египет незапамятных времен... Это был сам ночной замогильный Египет... желтая лапа... и они такое шептали о Хафре...

Но тут я начал приходить в себя, по крайней мере я уже не спал и не грезил во сне. Я вспомнил драку на вершине пирамиды, предателей бедуинов, напавших на меня, мое страшное падение в нескончаемые каменные глубины и мой безумный полет в ледяном пространстве с гнилостным благоуханием. Я понял, что лежу на сыром каменном полу и мои путы все так же впиваются мне в кожу. Было очень холодно, и мне показалось, будто я чувствую зловонное дуновение. Порезы и синяки, которые я получил, ударяясь о стены каменной шахты, болели ужасно, и от странного дуновения они жгли меня совсем нестерпимо, так что стоило мне всего-навсего повернуться, и я словно впал в мучительную и непередаваемую агонию.

Я заметил, что веревка натянулась, и заключил, что, где бы я ни был, другой ее конец достает до поверхности. Правда, я не имел ни малейшего понятия, держат ее арабы или уже не держат, так же, как не имел ни малейшего понятия, насколько глубоко под землей нахожусь. Вокруг меня стояла беспросветная или почти беспросветная тьма, ибо лучи луны не могли одолеть повязку, но я не сомневался, что мои ощущения обманывают меня, и не верил в бездонность колодца.

Мне показалось, будто я нахожусь в довольно просторном помещении, куда можно попасть сверху через дыру прямо над моей головой, и я подумал, что моя тюрьма, скорее всего, подземный входной храм старика Хафры, или храм Сфинкса, возможно, один из коридоров, который мои гиды не удосужились показать мне утром и из которого я мог бы легко выбраться, если бы нашел дорогу к перекрытому входу. Наверное, мне пришлось бы побродить по лабиринту, но сколько уже таких лабиринтов было в моей жизни!

Первым моим побуждением было избавиться от пут на руках и ногах, от кляпа и повязки на глазах, но это не очень меня заботило, потому что за время моей долгой карьеры выступающего на публике эскаписта куда более изощренные эксперты, ни разу не преуспев, испытали на мне весь свой ассортимент.

Потом мне пришло в голову, а почему бы арабам не поджидать меня у входа и не напасть на меня, ведь по натяжению веревки у них в руках они наверняка заметят, что я пытаюсь освободиться. Это, конечно же, имело смысл лишь в том случае, если я в самом деле находился в Хафровом храме Сфинкса. Дыра над моей головой, где бы она ни была, не могла находиться далеко от ничем не примечательного современного входа возле сфинкса, ведь наверху расстояния совсем небольшие, и любому туристу это отлично известно. Днем я ничего похожего на второй вход не заметил, но не сомневался, что среди песчаных заносов легко спрятать и не такое.

Обдумывая свое положение, я лежал, скорчившись, на каменном полу и почти забыл кошмар долгого падения и кружения по пещерам, которые совсем недавно довели меня до бесчувственного состояния. Теперь мои мысли были заняты только тем, как получше

перехитрить арабов, и я решил поскорее развязать веревку, но по возможности не шевелить ее, чтобы она не выдала мою эффективную или неудачную попытку освободиться.

Однако решить легче, чем сделать. Несколько предварительных маневров убедили меня, что подвигаться придется изрядно, и я совсем не удивился, когда после особенно энергичного напора почувствовал, что веревка кольцами ложится на меня и вокруг меня. Очевидно, подумал я, бедуины все поняли и бросили ее, спешно отправившись к настоящему выходу из храма, собираясь подождать меня там.

Перспектива намечалась не из приятных... Однако бывало и хуже, так что я решил не паниковать прежде времени. Сначала надо избавиться от пут, а потом постараться живым и невредимым выбраться из храма. Забавно, с какой легкостью я убедил себя, что нахожусь совсем неглубоко под землей в старом храме Хафры возле сфинкса.

Однако моя уверенность была поколеблена, и во мне вновь ожила первобытная боязнь сверхъестественной бездны и дьявольской тайны из-за одного обстоятельства, ужасное значение которого я начал осознавать, все еще формулируя мой философский план. Я уже сказал, что, падая, веревка свивалась надо мной в кольца. Теперь мне было ясно, что она все еще продолжает падать, хотя все нормальные веревки уже исчерпали бы свои ресурсы. Более того, она обрушилась на меня лавиной, отчего на полу выросла уже целая гора, и я оказался почти полностью погребенным под стремительно множившимися кольцами. Вскоре меня завалило совсем, и мне стало трудно дышать под тяжелой грудой пеньки.

Я растерялся, но все же, пока тщетно, старался бороться с неминуемой гибелью. Дело было не в том, что меня терзали сверх всякой меры, и не в том, что из меня по капле выжимали воздух и жизнь, а в падающих на меня неестественных количествах веревки и в неведомых и несчитанных подземных пространствах, окружавших меня в те минуты. Значит, мое падение, а потом кружение по дьявольской бездне было настоящим, и я на самом деле лежал беспомощный в безымянной пещере где-то рядом с центром земли. Перенести это неожиданное открытие у меня не хватило сил, и я во второй раз впал в спасительное беспамятство.

Когда я говорю «беспамятство», то не имею в виду отсутствие видений. Наоборот, моя отрешенность от мира разума сопровождалась несказанными страхами. Боже!.. Если бы еще я не начитался книг о Египте, собираясь в эту страну, ставшую источником тьмы и кошмара! Второе беспамятство заново потрясло мой спящий мозг осознанием того, что представляют собой Египет и его древние тайны, и по какой-то проклятой случайности в мои видения проникли старинные представления о мертвых, которые, вновь обретая дух и плоть, живут в таинственных гробницах, больше напоминающих дома, нежели могилы. Я вспомнил в своих видениях, которые, к счастью, не сохранились в моей памяти, необычное и искусное устройство погребальной камеры и ни на что не похожие ужасные учения, определившие ее устройство.

Все эти люди думали только о смерти и о мертвых. Они буквально понимали воскрешение тела, отчего с особой тщательностью мумифицировали его и рядом с ним в канобах хранили все жизненно важные органы. А кроме этого, они верили еще в две

вещи – в душу, которая, взвешенная и одобренная Осирисом, живет в стране блаженных, и *ка*, темное таинственное жизненное начало, которое, устрашая людей, бродит по верхнему и нижнему мирам, нисходя к сохраняемому телу, чтобы насытиться жертвенной пищей, приносимой в храм мертвых священнослужителями или благочестивыми родичами, а иногда, как говорят, входит в тело или положенный рядом деревянный двойник и покидает пределы усыпальницы, чтобы сеять страх и творить черные дела.

Тысячи лет тела покоились в роскошных саркофагах, уставив вверх стеклянные глазницы, и, если их не посещали *ка*, ждали того часа, когда Осирис возвратит им *ка* и душу и поведет легионы застывших мертвецов прочь из сырых покоев, где царит сон. Вот было бы великолепное воскресение, если бы Осирис благожелательно отнесся к душам мертвых и гробницы не подверглись осквернению, а иначе приходилось остерегаться чудовищных *ошибок* и дьявольских *искажений*. И в наши дни арабы шепчутся о странных сборищах и безбожных обрядах, совершаемых в забытых нижних пространствах, куда без всякого вреда для себя могут проникать только невидимые крылатые *ка* да бездушные мумии.

Возможно, самые страшные легенды, от которых стынет кровь, как раз те, что рассказывают о чудовищных созданиях упадочнического жреческого искусства – о *составных мумиях*, у которых человеческое тело и человеческие руки и ноги, а головы разных животных – в память о старых богах. Во все исторические времена мумифицировали священных животных, чтобы священные быки, кошки, ибисы, крокодилы и прочие могли когда-нибудь в еще большей славе возвратиться на землю. Но наступило время упадка, и священнослужители стали соединять людей и животных – это было только во время упадка, когда люди забыли об особых правах и привилегиях *ка* и души.

Неизвестно, что случилось с составными мумиями, по крайней мере никто об этом не говорит, и совершенно точно известно, что египтологам пока не удалось отыскать ни одной. Арабы шепчутся между собой о чем-то ужасном, но на них нельзя полагаться. Они даже намекают, будто старый Хафра... которому принадлежат сфинкс, и вторая пирамида, и зияющий вход в храм... будто бы он живет со своей царицей упырей и вампиров Нитокрис в далеком подземелье и правит мумиями, которые не люди и не животные.

О них я грезил – о Хафре, о его царственной половине и о его невиданном воинстве мертвых гибридов – и поэтому несказанно счастлив, что они не задержались в моей голове. Самое страшное видение, насколько я помню, было связано с праздным вопросом, который я задавал себе накануне, когда глядел на великую загадку пустыни и спрашивал себя, в какие неведомые глубины ведут тайные ходы из храма поблизости. Тогда этот вопрос казался мне пустяковым и вполне невинным, но в моем беспомоществе он едва не довел меня до буйного помешательства... *Какую исполинскую мерзость поначалу изображал сфинкс?*

Во второй раз я пришел в себя... если пришел... и помню ни с чем не сравнимый ужас... разве лишь с тем, что последовало потом. А ведь в моей жизни было больше приключений, чем у многих. Помните, я потерял сознание, когда на меня обрушился

веревочный каскад, подтвердивший, что я нахожусь на невыносимой глубине? А придя в себя, я не почувствовал никакой тяжести и, повернувшись на бок, убедился, что путы, кляп и повязка на месте, зато *кто-то убрал едва не задушившую меня веревочную гору*. Важность этого я, конечно же, осознавал постепенно, а не то не миновать бы мне опять беспомощности, которому помешало также предельное душевное изнеможение, когда я перестал бояться чего бы то ни было. Я был один... с чем?

Прежде чем я начал мучить себя новой идеей или собрался предпринять еще одну попытку освободиться, дополнительное обстоятельство заявило о себе. Непривычная боль терзала мне руки и ноги, и еще я думал, будто все мое тело покрыто засохшей кровью, а ее никак не могло быть так много, несмотря на все порезы и ссадины. К тому же мою грудь как будто рассекала сотня ран, словно ее клевал огромный кровожадный ибис. Несомненно, тот, кто убрал веревку, был враждебен мне и нанес бы мне еще больше ран, если бы что-то его не остановило. Странно, но вместо того, чтобы окончательно пасть духом, я ощутил прилив сил, и меня обуяла жажда деятельности. Теперь я точно знал, что ополчившиеся против меня злые силы – материальные существа, с которыми бесстрашный человек может биться на равных.

Несколько приободрившись, я взялся за свои путы и использовал весь опыт своей жизни, чтобы освободиться, как часто делал это в ослепительном свете огней и под аплодисменты многочисленной публики. Привычные препятствия совершенно завладели моим вниманием, к тому же исчезла длинная веревка, и я почти уверился, что невыносимые кошмары были галлюцинациями и никогда не существовало ни страшного колодца, ни бездонной бездны, ни бесконечной веревки. Неужели я все-таки в привходном храме Хафры возле сфинкса, и пока я лежал без сознания, вероломные арабы пробрались внутрь, чтобы мучить меня? Как бы то ни было, мне надо было распутать веревку. Вот встану без кляпа во рту и повязки на глазах, увижу хоть какой-нибудь лучик света и тогда буду даже рад помериться силами с коварными врагами!

Не знаю, сколько времени я стягивал с себя веревку. Наверное, дольше, чем на сцене, потому что я был ранен и измучен всем тем, через что мне пришлось пройти. Наконец ничто мне не мешало, и, глубоко вдохнув холодный сырой зловонный воздух, который не стал лучше из-за отсутствия кляпа, я почувствовал, что не могу пошевелиться. Пришлось мне еще полежать, потихоньку распрямляя руки и ноги и вглядываясь во тьму в надежде разглядеть хоть слабый лучик и понять, где я нахожусь.

Потихоньку силы вернулись ко мне, но глаза ничего не видели. С трудом поднявшись на ноги, я смотрел во все стороны, но видел только эбонитовую тьму, словно и не снимал с глаз повязку. Ноги еще плохо меня слушались, но все же я мог идти, только не знал куда. Мне было ясно, что идти наобум нельзя ни в коем случае, так как я мог оказаться еще дальше от выхода, поэтому я помедлил, чтобы определить, откуда тянет тем холодным натровым запахом, который сопровождал меня во все время моих кошмаров. Предположив, что его источник и есть выход из подземелья, я решил ориентироваться по нему и никуда не сворачивать.

Отправляясь из дома, я прихватил с собой коробок спичек и маленький электрический фонарик, но, разумеется, после всех встрясок в карманах у меня не осталось ни одного

более или менее тяжелого предмета. Чем дальше я продвигался в темноте, тем сильнее чувствовал сквозняк и запах, пока наконец не уверил себя, что запах идет из какого-то отверстия, как, например, дым – из сказочной бутылки рыбака, в которой сидит джинн. Восточная сказка... Восток... Египет... Воистину эта темная колыбель цивилизации всегда была источником несказанных чудес и несказанных кошмаров!

Чем дольше я размышлял о природе подземного сквозняка, тем беспокойнее мне становилось, ибо, несмотря на вонь, я был уверен, будто, плутая, все же иду к выходу, пока наконец не сообразил, что подобный смрад не может иметь ничего общего с чистым воздухом Ливийской пустыни и что его извергает еще более глубокая и страшная бездна. Следовательно, я выбрал неправильный путь!

Поколебавшись немного, я решил не поворачивать назад. Сквозняк был моим единственным ориентиром, потому что я не обнаружил никаких особых примет в неровном каменном коридоре. Двигаясь же против непонятного смрада, я непременно должен был выйти на какую-нибудь дыру, а там и к стене, окружающей Циклопову пещеру, в которой иначе не отыскать ни входа, ни выхода. Я понимал, что, вполне возможно, обречен на неудачу. То место, в котором я находился, не имело отношения к известному всем туристам привходному храму Хафры, к тому же мне пришло в голову, что о моем коридоре не знают даже археологи и он случайно оказался открыт заключившими меня сюда любопытными и вероломными арабами. А если так, то есть ли отсюда выход в посещаемую часть храма на поверхность?

И вообще, какие у меня основания думать, будто это привходной храм? На мгновение все мои самые страшные кошмары вновь обрушились на меня, и я живо вспомнил и падение, и кружение по коридорам, и веревку, и мои раны, и видения, которые на самом деле были видениями. Неужели это конец? Впрочем, может быть, так даже милосерднее? Мои вопросы оставались без ответов, а я упрямо шел вперед, пока судьба в третий раз не ввергла меня в беспамятство.

Теперь обошлось без видений, так как неожиданность происшедшего выключила не только мое сознание, но и подсознание. Делая очередной шаг в том месте, где вонь была уже настолько сильна, что у меня не хватало физических сил ей противостоять, я поздно заметил черную каменную лестницу и покатился по ней в зловещую тьму.

Дыхание вернулось ко мне только благодаря врожденной живучести здорового организма. Я часто думаю о той ночи и нахожу смешными свои повторяющиеся обмороки, словно взятые из дешевых кино melodрам тех лет. Конечно, не исключено, что этих обмороков не было вовсе и весь мой подземный кошмар – всего лишь видения одного долгого беспамятства, которое началось из-за шока, связанного с падением в бездну, и закончилось с целительным прикосновением наземного ветерка и первых лучей поднимающегося солнца, когда я лежал, простертый на песке, перед розовевшим насмешливым ликом великого сфинкса.

Сам я предпочитаю эту версию и обрадовался, когда полицейские сказали мне, что кто-то взломал решетку, преграждавшую вход в храм Хафры, а неподалеку действительно есть довольно широкий колодец, который ведет в необследованную часть подземелья. Еще я обрадовался, когда врачи не обнаружили в моих ранах ничего такого,

что не было бы естественным следствием драки, слепоты, падения – возможно, во внутреннюю галерею, – а потом я еще освобождался от пут, полз наверх, выбирался из подземелья, ну, в общем... очень утешительно. И все же я уверен, все не так просто. Я слишком хорошо помню свое ужасное падение, чтобы считать его наваждением... К тому же разве не странно, что никто не узнал по моему описанию человека, предложившего себя мне в гиды, – Абдуллу Раиса эль-Дрогмана, у которого был замогильный голос, а лицо и усмешка точь-в-точь как у фараона Хафры?

Я прервал рассказ... наверное, из-за нежелания вспоминать о том последнем, что случилось со мной и что наверняка было галлюцинацией. Однако я обещал рассказать все и не нарушу свое обещание. Когда я очнулся – или мне показалось, что я очнулся, – после падения с черной каменной лестницы, я был, как прежде, один и в полной темноте. Вонь, которая и раньше была отвратительна, стала невыносимой, однако я уже как-то привык к ней и стоически ее терпел. Почему-то я пополз прочь от того места, откуда шел смрад, ощущая под окровавленными ладонями гигантские блоки мощного перекрытия. Один раз я стукнулся головой обо что-то твердое и быстро определил, что это основание колонны немыслимой толщины, покрытое хорошо прощупываемыми гигантскими иероглифами.

Я пополз дальше и обнаружил на большом расстоянии друг от друга другие массивные колонны, как вдруг мое внимание привлекло нечто, уже воздействовавшее на мое подсознание, а теперь добравшееся и до сознания.

Откуда-то из еще более дальней глубины до меня доносились звуки – ритмичные, довольно громкие и ни на что не похожие. Почти интуитивно я понял, что они принадлежат какому-то старинному обряду, а так как я был порядочно начитан в египтологии, то определил их как звуки флейты, самбуки, систры и тимпана. В их мерных свисте, гудении, треске и ударах я ощутил страх, какой, к счастью, неведом земле. Он был странным образом не похож на личный страх и принял форму объективной жалости к нашей планете, терпящей в своих глубинах кошмары, что прятались за внушающей ужас какофонией. Звуки становились громче. Они приближались. Потом – пусть все боги, какие ни на есть, сделают так, чтобы никогда больше ничего подобного со мной не случилось, – я услышал вдалеке негромкую отвратительную тысячулетнюю поступь марширующих созданий.

Поразительно, как столь разные движения сочетались в идеальном ритме. За маршем подземных чудовищ стояла муштра тысяч нечестивых лет... цокот, топот, шарканье, шорох... и все это под немыслимую разноголосицу импровизировавших инструментов. А потом – боже, убери все арабские сказки из моей памяти – мумии без душ... бродячие ка... орды мучимых дьяволом мертвецов за сорок веков правления фараонов... *составные мумии*, ведомые сквозь ониковую пустоту фараоном Хафрой и его царицей упырей Нитокрис...

Шаги приближались... Боже, спаси и сохрани меня от этих ног, и копыт, и когтей, которые уже стали различимы на слух! В беспредельной черной бездне мелькнул на вонючем сквозняке огонек, и я бросился за гигантскую колонну, чтобы хоть ненадолго укрыться от кошмара, надвигавшегося на меня миллиононогой толпой через гигантский

гипостиль нечеловеческого страха и патологической древности. Огней стало больше. Шум шагов и музыкальная какофония тоже стали громче. В неверном оранжевом свете я увидел такую картину каменного величия, что у меня перехватило дыхание, и благоговейный трепет пересилил и страх и ужас. Основания колонн были вдвое выше человеческого роста... и это лишь основания колонн, каждая из которых сводила на нет достижения строителей Эйфелевой башни... А иероглифы, высеченные непонятно как в подземелье, где дневной свет вспоминается как полузабытая сказка...

Я не буду смотреть на тех, кто идет сюда. Едва я ухватился за это отчаянное решение, как услышал скрип костей и смердящее хрипение, заглушавшие мертвую музыку и мертвое шарканье, Счастье еще, что они не разговаривали... Но боже мой! Их странные факелы осветили громадные колонны. У гиппопотамов не может быть человеческих рук и факелов в руках... У людей не должно быть крокодильих голов...

Я хотел отвернуться, но тени, звуки, вонь были повсюду. Тогда я вспомнил, что делал мальчишкой, когда мне снились кошмары, и начал повторять про себя:

«Это сон! Это сон!»

Никакого толку из этого не вышло, и мне осталось лишь закрыть глаза и молиться... По крайней мере, мне кажется, что я так сделал, потому что в снах никогда точно не знаешь... А я абсолютно уверен – это было видение.

Я не знал, удастся ли мне еще когда-нибудь выйти наверх, и временами приоткрывал глаза, желая еще раз убедиться, что нигде нет ни одного местечка, свободного от нездоровых испарений, от колонн с невидимыми вершинами, от колдовских гротескных теней, внушавших невыносимый ужас. Горящих факелов становилось все больше, и если бы это дьявольское место не было беспредельным, то я обязательно разглядел бы или стену, или другой ограничительный знак. Однако глаза у меня опять закрывались, едва я понимал, как много теней вокруг меня... В конце концов я узрел одну фигуру – без верхней половины, – вышагивавшую неторопливо и торжественно...

Внезапно то ли дьявольский предсмертный хрип, то ли адский вой слаженного хора легиона гибридных уродов разорвал воздух склепа, отравленного нефтяными и соляными испарениями. Помимо воли я открыл глаза и увидел зрелище, какое ни одно смертное существо не может вообразить без ужаса и физического отвращения. Существа выстроились одно за другим в направлении вонючего сквозняка, и факелы освещали их поникшие головы, если таковые имелись. Они молились перед огромной черной зловонной дырой, у которой не было видно верхнего края и к которой были приставлены две гигантские лестницы, поднимающиеся в непроглядную тьму. По одной из них, несомненно, я и скатился сюда.

Высота дыры была пропорциональна высоте колонн... Обыкновенный дом потерялся бы в ней, а средних размеров общественное здание можно было бы без труда двигать туда и обратно. Она была такой огромной, что ее невозможно было объять взглядом, не повернув головы... такой огромной, такой непроглядно черной и такой отвратительно вонючей... Прямо перед этой разверстой дверью Полифема существа, судя по их движениям, что-то бросали, видимо религиозные приношения. Во главе их был Хафра,

надменный фараон Хафра, или гид Абдулла Раис, в золотом венце, который замогильным голосом мертвых произносил бесконечные заклинания. Рядом с ним на коленях стояла прекрасная царица Нитокрис, профиль которой мне удалось на мгновение увидеть, и я заметил, что правая половина ее лица съедена крысами или какой другой нечистой силой. И я опять закрыл глаза, когда разглядел, что приносится в жертву зловонной дыре или, не исключено, местному божеству.

Мне пришло в голову, что, судя по торжественно обставленной церемонии, статус у невидимого божества должен быть высоким. Осирис? Исида? Гор? Анубис? Или неизвестный бог мертвых, который еще важнее их? Существует ведь легенда о страшных алтарях и колоссах, возведенных в честь неведомого бога еще до того, как появились ныне почитаемые боги...

Я уже достаточно закалился, чтобы без ужаса наблюдать за замогильным обрядом безымянных существ, и мне в голову вновь вернулась мысль о спасении. Кругом было сумрачно из-за колонн, отбрасывавших густые тени. Если учесть, что все в этой кошмарной толпе были поглощены своим делом, то у меня появилась возможность незаметно подобраться к одной из лестниц и невидимым взойти по ней наверх, надеясь на удачу и собственную ловкость. Я почти совсем не думал о том, где я, собственно, нахожусь, хотя на одно мгновение мне стало смешно, ведь я всерьез планировал бегство из сна. А может быть, я в самом деле был в одном из неведомых помещений храма Хафры, того самого храма, который уже несколько поколений упорно называют храмом Сфинкса? Не знаю. Однако я твердо решил, если мозг и мускулы не подведут меня, вернуться к реальной жизни и здравому смыслу.

Я лег на живот и пополз к лестнице слева, которая показалась мне более доступной. Не буду рассказывать, что я чувствовал и видел на своем пути, освещаемом зловещим и неверным светом факелов, ведь, чтобы не попасться, я должен был внимательно смотреть по сторонам. Нижние ступени лестницы, как я уже говорил, не были видны из-за темноты, а потом она круто поднималась вверх до огороженной площадки над гигантской дырой, и последние ярды я полз уже на довольно большом расстоянии от шумной толпы, зрелище которой леденило мне кровь, даже оставшись далеко справа.

В конце концов я добрался до нижних ступеней и, стараясь держаться поближе к стене, начал подниматься наверх, разглядывая отвратительную роспись и полагаясь на то, что чудовища слишком заняты своей смердящей дырой и своими непотребными приношениями, чтобы обратить на меня внимание. Крутая лестница была сложена из порфировых блоков, явно предназначенных для великанов, и показалась мне бесконечной. Мне и теперь страшно вспомнить, как я полз наверх, боясь быть обнаруженным и страдая от ушибов и ран, которые вновь разболелись из-за непосильной физической нагрузки. Я намеревался, едва достигнув площадки, немедленно карабкаться дальше, кто бы там ни был, не останавливаясь даже бросить последний взгляд на мерзких тварей, которые шаркали ногами и падали на колени футак в семидесяти-восемидесяти подо мной. И вдруг, когда я уже почти достиг площадки, раздалось громовое бульканье-хрипение хора, которое, судя по торжественному ритму, не имело ко мне ни малейшего отношения, поэтому я остановился и поглядел вниз.

Чудовища приветствовали кого-то, кто показался из смрадной дыры забрать адские подношения. Даже с высоты моего наблюдательного пункта существо производило впечатление гиганта и было желтое, волосатое, с судорожными движениями. Пожалуй, размерами оно не превышало большого гиппопотама, но вид у него был самый фантастический. Прямо на туловище, имевшем более или менее цилиндрическую форму, росли в один ряд пять лохматых голов: первая – самая маленькая, вторая – побольше, третья и четвертая – еще побольше и равны друг другу, а пятая – поменьше, хотя и не такая маленькая, как первая.

Из голов то и дело вылезали твердые щупальца, которые жадно хватали огромные куски разложенной перед дырой неопикуемой человеческим языком пищи. Существо время от времени то подпрыгивало, то довольно странным образом пряталось в дыру. Это было так необычно, что я глаз не мог оторвать от дыры, ожидая, когда оно появится целиком.

И оно появилось... Оно едва появилось, как я отвернулся и бросился вверх по темной лестнице за моей спиной, буквально взлетая по ступеням, чтобы попасть туда, куда меня вели не зрение и не логика, а, верно, направлял сам мир видений. Наверняка это было видение, иначе я не лежал бы на рассвете живой на песке Гизы перед усмехавшимся и сверкавшим в лучах солнца Великим сфинксом.

Великий сфинкс! Бог!.. Именно этот вопрос я задавал себе солнечным утром перед тем, как... *Какую огромную и страшную тварь изображал сфинкс поначалу? Будь проклято видение, реальное или нереальное, которое показало мне самый страшный кошмар – неведомого бога мертвых, в немыслимой глубине предвкушающего удовольствие от еды, принесенной ему бездушными тварями, которых не должно быть. Пятиголовое чудовище появилось... пятиголовое чудовище величиной с гиппопотама... пятиголовое чудовище... и тот, у кого оно всего лишь передняя лапа...*

Но я выжил, и я знаю, что это было видение.

Перевод: Людмила Володарская

2000 год